

Памяти Станислава Сычева

Легенда одесского андеграунда Станислав Сычев ушел из жизни 2 года назад. Ушел внезапно и незамечено, ушел в мучительных поисках и раздумьях, так и не раскрыв себя всего. Его судьба была типичной для художников-шестидесятников. Вспомните тернистые пути С. Довлатова, В. Высоцкого, М. Шемякина и многих других жрецов и мучеников искусства, которых государство обрекало на безвестность. Но, как считал С. Довлатов, "Талант как похоть. Трудно утаить. Еще труднее симулировать".

Искусство Станислава Сычева изредка прорывалось на выставки, но широкому зрителю не было известно. Уверена, что все, кто будет обращаться к жизни и творчеству Станислава Сычева, не избегнут слова *легенда*. Герой одесской богемы, творческий магнит, пленник женской красоты — это все Сычев. Его ближайшее окружение дает весьма противоречивые сведения о нем, тем самым подтверждая многомерность его личности. Как писал Гете: "Чтобы что-то создать, надо чем-то быть". И вот у нас на глазах его фигура двоится, трояится и заворачивается в звездный плащ заново творимой репутации.

В 60-е годы Станислав, сын работника сельского хозяйства, не имеющий за плечами никакой художественной подготовки, становится ярчайшей звездой "Грековки". На традиционных обходах в училище все бежали смотреть на работы трех знаменитостей: Сычика (прозвище Сычева), Кокки (Николая Лебединского) и Эдика Павлова. Сычев первым из своих одноклассников открыл творчество Густава Климта и Эгона Шелли, представителей Венского Сецессиона. На то время стиль модерн в училище был запрещен, его считали декаденством. "Сецессион" — от лат. *secessio*, "отделение", "уход". Все это говорило о нежелании молодого художника идти

в академическом русле. От Климта в работах Сычева появится культ красоты как высшей истины, филигранная отточенность рисунка и условное пространство, напоминающее клубящиеся облака, из которого проступают женские фигуры, лица.

Линия его судьбы столь же извилиста, как и линия модерна. В дальнейшем Сычев пройдет через увлечение импрессионизмом, модерном, Востоком, "суровым стилем". Учился Сычев у выдающейся художницы Дины Михайловны Фруминой, воспитавшей плеяду замечательных художников: Л. Межберга, И. Островского, А. Фрейдина, Н. Степанова, А. Басанца. "Он всегда был талантлив и всегда это знал", — говорила о Сычеве Фрумина, отмечая его особое чутье на цвет и свет. Дина Михайловна была для него много больше, чем просто учитель. В студенческие годы он так увлекся Востоком, что махнул по следам Фруминой в Самарканд.

Там, на Востоке, он найдет свой путь, откроет свой мир. Древние мечети и строения Самарканда, жанровые зарисовки дремотной жизни провинциальных местечек под ослепительным солнцем, где в тени развесистой чинары можно отдохнуть от жары, — все это можно увидеть в работах Сычева тех лет и еще почувствовать со всей очевидностью, как ему там было хорошо. Позже, на встречах с друзьями, он будет с мечтательным выражением на лице вспоминать и петушинные бои, и чайхану, где можно было побаловаться чайком, и тот восторг и почтение, с каким воспринял Восток самого Сычева, найдя у него явное сходство с родовитым потомком Чингисхана. Результатом его восточной экспедиции были не только многочисленные работы, но и похищенная им красавица-корейка, ставшая его женой и музой.

Начало художественной деятельности Сычева совпало с годами общественного андеграунда 60-70-х годов. Непросто было молодым художникам входить в самостоятельную жизнь, самовыражаться, испытывая пристальный взгляд "генералов порядка". Если какой-либо художник нарушал канон соцреализма, что-то подчеркивал больше, чем нужно, его обвиняли в формализме. Самые яркие дарования одесской школы, такие как О. Соколов, А. Ануфриев, В. Стрельников, В. Хрущ, Л. Ястреб, В. Маринюк, И. Божко, С. Сычев отвергались Союзом художников, их искусство становилось как бы частным делом.

Тогда в кругах творческой интеллигенции стала формироваться мощная оппозиция официальному искусству — полуофициальные квартирные выставки. В Одессе было несколько адресов: по улице Осиновой, 9, в коммунальной квартире, где жил А. Ануфриев, в Строительном переул-

ке, где жил и работал Олег Соколов. Участников квартирных выставок объявляли идеологическими диверсантами, за ними пристально следил КГБ. "Мы привыкли к тому, что сейчас художнику все можно. Тогда было нельзя. Нас за простые натюрморты бросали в психушки или отправляли в отдаленные места", — вспоминает Михаил Шемякин, которого власти вынудили покинуть страну.

В 1971 году в Союзе художников состоялась выставка четырех — С. Сычева, А. Лопатникова, Л. Дульфана, В. Стрельникова; через три дня ее громко закрыло опомнившееся правление.

Легендой истории одесского андеграунда стала другая "бульдозерная выставка" с участием Сычева и его друга Валентина Хруща. Они развесили отвергнутые выставком свои работы на заборе в Пале-Рояле, у оперного театра, написав на заборе мелом "Сычик + Хрущик". Эта авангардная акция, по воспоминаниям самих участников, возникла спонтанно и была продиктована единственным желанием, чтобы картины увидел зритель. Через некоторое время эта история одесского андеграунда обрстет мифологическими подробностями: как часовые на посту, авторы несли вахту у своих работ, но через несколько часов наряд милиции все ликвидировал, а "возмутители спокойствия" были доставлены в отделение.

В личном плане Сычев всегда мстил своему времени и стражам порядка. После веселой пирушки, когда ветер гулял в карманах и не на что было добраться домой, он чуть ли не голышом вбегал в Жовтневое отделение милиции, устраивал там дебош. Его тут же на милицейской машине доставляли в районный вытрезвитель по месту жительства, который находился рядом с домом. Художник использовал милицию как бесплатное средство передвижения. Через некоторое время обман раскрылся, и менты уже не "велись" на его спектакль.

На одной из работ Сычева той поры представлена голая равнина, сплошь утыканная советскими флагами. Эти флаги в землю втыкают безликие (один как все, все как один) строители социализма, нелепые, как и время, и страна, в которой они живут. Облику рядового Homo sovieticus (советского человека) Сычев никак не соответствовал, ведь талант всегда нарушает равенство.

Бар "Красный" — стилистика жизни одесской богемы, "место встречи друзей и поэтов". На сборищах богема была талантливой, и это сказывалось во всем: в потоке стихов и острых эстетических споров, в бесконечных выдумках и импровизациях. У Сычева в баре было свое тронное место в углу. Многие помнят его статную фигуру (более 100 кг мужской красоты), седые волосы до плеч. Он привлекал внимание всем: выразительной внешностью, манерой смотреть, говорить, двигаться. Его магнетический взгляд буквально завораживал, проникал в душу. Он отрастил бороду и усы; побелевшие с возрастом, они сделали его слегка похожим на Хемингуэя, которого Сычев боготворил. На сходстве Сычева с Хемингуэем настаивала вся женская половина его знакомых.

"Что мешает писателю? Выпивка, женщины, деньги и честолюбие. А также отсутствие выпивки, женщин, денег и честолюбия", — повторял слова своего кумира Сычев. Как Хэмингуэй, он считал, что недопитая бутылка шампанского — враг рода человеческого. Его эксцентричные выходы не способствовали укреплению семейных уз. У этого легендарного мачо часто менялись спутницы жизни, распадались семьи. Он игнорировал условности, не признавал костюма, верил в свою мужскую силу, в свой талант и в то, что он подмечал, любил, желал. До женской красоты был он очень чуткий.

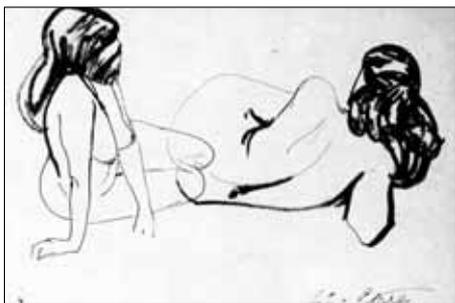
Поэт и друг Сычева Игорь Павлов вспоминает, что по своему темпераменту Сычик был типичный флегматик, который волнующие истории мог рассказывать бесстрастно, но таящийся внутри него вулкан давал о себе знать, когда речь заходила о творчестве. Он рьяно спорил о том, кто

больше знает и передает оттенков цвета. Сам же говорил о 60 оттенках серого в своих работах. Так за рюмочкой и бесконечными спорами он засиживался в баре допоздна. Когда он работал? Когда ел и спал? Никто не мог понять. Вроде бы ничего не читал, а на самом деле все знал. Давал точную, на уровне "абсолютного слуха", оценку всем сколько-нибудь заметным явлениям искусства — помогала интуиция мастера. Заслуженный художник Украины Н. Вылкун называл Сычева "глыбой", "гуру", который был интересен молодежи как художник и как личность.

Такие посиделки в баре заманивали художников, которые были рады хоть как-то скрасить гнетущую нищету своих мастерских. Сычев всю жизнь прожил в частном доме, построенном отцом. Высокий чердак дома был превращен им в мастерскую. Там он осуществлял замыслы, хранил эскизы, инструменты. Стиль его жизни наложил особый отпечаток на образ мастерской: художнический беспорядок был ей присущ, но природа, свежий воздух, шум моря были за окном... Он жил на поселке Котовского, на отшибе, и отправляясь в бар гостиницы "Красная", оказывался в центре города, а также в центре всех новостей и событий. Атмосфера там была свободной и чарующей. В братстве компанейского веселья и щемящей меланхолии отчуждения проходило его время.

Из окружавших его товарищей, пожалуй, только Слава Сычев мечтал о славе, но не хотел ничего делать, чтобы ее приблизить. Сотрудники Музея западного и восточного искусства Вениамин Млынчик и Олег Соколов способствовали тому, чтобы в 1989 году состоялась первая персональная выставка Сычева. Поэт И. Павлов насильно затащил Сычева в Интерсалон, который способствовал продаже его работ. Сам же художник никуда не ходил, никого не просил — он просто работал, не заботясь о продаже, игнорируя заказы, называя доллары "плесенью". Его дух оставался свободным, но жизнь, как и у Валентина Хруща, оборачивалась скромным достатком, стесненными условиями быта. Он почти не выставлялся. Он уходил с поверхности художественной жизни в глубину чисто профессиональных задач, но его работы пользовались неизменным успехом, их покупали. Значительная их часть оказалась в Англии. В 70-е и 80-е годы его имя стало появляться в иностранных каталогах и выставочных экспозициях.

Творчество С. Сычева фантастически автобиографично. Это дневник его жизни, цепь художественных взлетов и падений, любовных страданий, непрекращающегося одиночества среди людей, алкоголя. В его судьбе, словно в странном зеркале, чудится призрак судьбы А. Модильяни, Юлиуса Паскина, трагических фигур, "героев" богемы Парижской шко-

лы. Может быть, это сходство проявляется во внезапных переходах от замкнутости и молчаливости, от сосредоточенной работы к разгулу? В его искусстве было много кипящих страстей и того одиночества, которое предназначается избранныкам, которые пытаются казаться себе и другим веселыми и беззаботными в мире жестоком.

Но будь он иным — не сумел бы оставить такого художественного наследства, которое важнее печальных подробностей его жизни.

Пресыщаясь чувством, Сычев выплескивал его на холсты потоком света своей любви. Его живопись энергичная и темпераментная, в ней нет рассудочности и зашифрованности. Временами она кажется даже избыточно распахнутой.

Он словно выводит свои модели в пространство собственного искусства, где все подчинено ритуалу преображения чувством. Он без конца пишет женские образы, наделяя их то романтической мягкостью, то выразительной эмоциональностью, применяя стиль эскиза в рисунке человеческой фигуры. Его рисунок стремительный и мгновенный, скорее намекающий, чем завершающий.

Многие его работы появлялись в пору пылкого романа. Лежащая на кушетке брюнетка, длинноволосая красавица, словно радуга, соединяющая своей фигурой землю и небо, гордая римлянка, чувственная одалиска, нежная муза, прекрасная дама Средневековья и наша современница... Художественная форма появляется в той художественной зависимости и необходимости, какую требует в каждом отдельном случае образ. Очевидна "портретность" тел, словно парящих в плоскости картины. Лица героинь художник не конкретизировал. И в реальной жизни свои мужские победы Сычев с друзьями никогда не обсуждал. Своих героинь Сычев мог писать по воображению и с натуры. Молоденьких девушек частенько заставляли в его мастерской друзья в последние годы жизни, очень скоро те появлялись и на его полотнах.

Работы Сычева — это музыка любви. Его цвета поют. В работах циркулирует воздух, мазок перехватывает блики солнца, безостановочно неустойчивые, как воды реки. Женская фигура словно экран, состоящий из

красочных мазков — бледно-голубых, розовых, зеленых и желтых тонов, делающих картину удивительно гармоничной и изящной.

Для художника осязание было, без сомнения, наиболее важным чувством. Его кисть стремительно летит, блуждает или мечется по холсту, позволяя видеть горячечный поиск нужной формы. От интимного наброска ню до внимательной зарисовки — все это поиски вечной женственности. Есть в этих работах тот самый элемент *non finito*, который обеспечивает жизнеспособность произведений искусства, позволяя каждый раз открывать новое. В лучших работах Сычева ему удавалось овладеть самым сложным и почти невозможным: согласовывать форму и цвет, находить контур счастья, формы веры и надежды.

Где сейчас можно увидеть работы маэстро? Непременно нужно заглянуть в галерею "Мост", к Т. Шигаревой. Мы предлагаем вам обязательно прийти на выставку в Музее западного и восточного искусства (Пушкинская, 9), которая явится новогодним подарком. 40 живописных работ из коллекции Владимира Хандроса вызывают даже у искушенного профессионала простодушное восхищение. "Трудно жить после смерти. Иногда для этого необходима вся жизнь", — справедливо заметил Г.Х. Андерсен. Станислав Сычев продолжает жить в своих работах, они призваны быть посредником в его отношениях с миром. Они ждут встречи.

